

УДК 930.1

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА В МОГИЛЕВЕ
В 1920–1930-е ГОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА МОГИЛЕВСКОЙ
ОБЛАСТИ)**

Матюшевская Мария Иосифовна

доцент кафедры археологии, истории Беларуси и специальных
исторических дисциплин учреждения образования
«Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова»,
кандидат исторических наук, доцент
(г. Могилев, Республика Беларусь)

Статья посвящена сопоставлению научных оценок известного публициста русского зарубежья первой половины XX века Г. П. Федотова с локальными процессами развития науки и образования в БССР

Эпоха 1920–1930-х годов – знаковое время в истории советского образования и науки. В этот период в культуре общества происходили процессы, которые в будущем определили достижения и кризисные этапы развития системы образования и науки не только в самом СССР, но и во всех государствах современного постсоветского пространства.

В историографии истории советского общества сегодня представлены разные оценки культурных перемен этой эпохи. Обратимся к одной из них – трудам известного публициста русского зарубежья первой половины XX века, философа, богослова и историка Г. П. Федотова. Сопоставление его научных оценок с материалами, имеющимися в фондах Государственного архива Могилевской области, – цель данного исследования.

Во второй половине 1920–1930-е годы в Париже Г. П. Федотов опубликовал научно-публицистические статьи [1; 2; 3; 4; 5], в которых показал дореволюционную российскую интеллигенцию как особый социальный тип в структуре общества, отличающийся идейностью понимания стоящих перед ним задач и беспочвенностью своих идей [6; 7].

По мысли Г. П. Федотова, формирование интеллигенции в России привело к импорту западноевропейской культуры и секуляризации общественной мысли. Темы государственности России и ее международной истории отошли на второй план. Историки ушли от изучения проблем духовной культуры общества. Русская историография стала наибольшей «материалисткой» в семье Клио.

Особенностью культуры России до 1917 года было огромное влияние на нее дворянства. Это проявлялось в презрении российской интеллигенции к черному труду, ведению хозяйства

и спорту. Г. П. Федотов объяснял данную особенность тем, что российское государство создало среднюю и высшую школу для нужд господствующего сословия – дворянства. Поэтому, несмотря на небольшой процент дворян в университетах России и преобладание здесь разночинцев, характер высшей школы и всего образованного класса определяли дворяне и их культура.

В начале XX века преемственность демократической культуры России от дворянства стала рушиться. Появились самоучки, получавшие высшее образование экстерном. Они стали идейными вдохновителями социального футуризма, – идеологии революционной пролетарской культуры.

По мысли Г. П. Федотова, несомненным достижением Октября 1917 года стала ликвидация двухэтажности российской культуры. Противостояние безграмотного народа и образованной интеллигенции потеряло свой смысл. Культура общества стала единым организмом и приблизилась к общеевропейскому типу демократической культуры. Однако этот процесс оказался форсированным, а из-за сознательного истребления интеллигенции произошло снижение общего уровня культуры общества.

Сопоставление научных оценок Г. П. Федотова с локальными историческими процессами, протекавшими в БССР в 1920–1930-е годы, которые представлены в материалах фондов Государственного архива Могилевской области, убеждает в правильности сделанных им выводов.

К сожалению, имеющиеся сегодня в наличии исторические источники не позволяют провести широкое исследование. В годы Великой Отечественной войны значительная часть архивных материалов была уничтожена. Сохранились лишь документы Могилевской городской секции научных работников Центрального бюро секции научных работников БССР за 1930–1934 годы – фонд 927. Они включают в себя анкеты членов секции; постановления, циркуляры, план работы и протоколы заседаний Центрального бюро; протоколы общих собраний и заседаний бюро секции научных работников Могилева; списки научных сотрудников Могилева за 1933–1934 годы; документы о работе культурно-массового сектора; списки членов секции на получение хлебных карточек и топлива на 1932–1933 год.

Сохранившиеся исторические источники показывают: несмотря на проводившуюся в БССР 1920-х годов политику белорусизации и использование в делопроизводстве белорусского языка, решение вопросов организации и развития отечественной науки шло в тесной связи с научной политикой, определяемой в Москве. Об этом свидетельствует, в частности, подписанная кампания 1932 года на журнал «Фронт науки и техники» (ФНТ) – орган всесоюзной ассоциации работников науки и техники (ВАРНТИСО) и секций научных работников (СНР). Подписка на этот журнал проходила под лозунгом: «Ни одного члена ВАРНИТСО, СНР и ИТС, не подписавшегося на журнал ФНТ на 1932 год!» [8].

О тесной связи белорусской науки с политикой, определяемой в Москве, свидетельствует также план работы политмассового сектора секции научных сотрудников Могилева на 1932 год. Он предусматривал рассмотрение на общих собраниях секции итогов октябрьского и ноябрьского Пленумов ЦК ВКП(б) и ЦК КПБ, анализ теоретических задач на историческом фронте, изложенных в письме И. В. Сталина [9].

Анкеты кадрового состава Могилевской городской секции научных работников за 1930–1932 год демонстрируют сложность процессов самоидентификации людей, переживших крах Российской империи и создание на ее основе качественно нового государства. В графе «национальность» уроженцы центральных губерний Российской империи на белорусском языке отмечали: «великарус», «руски», «расеец» [10].

Не менее сложно происходило налаживание повседневной культуры научного сообщества. Материалы обследований условий проживания членов секции научных сотрудников Могилева (77 квартир) показали, что 91% членов секции не имеет отдельных помещений для работы на дому. Санитарное состояние квартир оставляет желать лучшего. Их уборка проводится нерегулярно, делается сухим путем, проветривание квартир, как правило, не происходит [11]. Питание научных работников и преподавателей пединститута налажено на основе пайков и хлебных карточек [12].

Процесс развития науки рассматривался современниками как борьба на научном фронте. Она предполагала социалистическое соревнование и ударничество среди аспирантов, перестройку всей научной сферы в направлении осуществления «шести исторических условий т. Сталина» [13], борьбу за чистоту марксистско-ленинской теории – диалектического и исторического материализма, партийных рядов и связь преподавания с задачами социалистического строительства. Наука рассматривалась как составная часть политики государства [14].

Идеологический фронт социалистического строительства ставил задачу борьбы с вражеской идеологией. На заседаниях могилевской секции научных сотрудников были рассмотрены вопросы содержания лекций доцента Ярошевского, который отказался включить в программу антирелигиозный вопрос, и читал лекции на основе философии Платона, и профессора Финоменова, который в монографии «Современная деревня до 1925 г.» утверждал, что Октябрьская революция не изменила социальную структуру деревни. Ярошевский свои ошибки не признал и был уволен с занимаемой должности. Финоменов полностью осознал свои заблуждения и продолжил научную деятельность [15].

Могилевские ученые вносили свой вклад в финансовое благополучие государства: они принимали участие в подписке на займ «Поход за техникой», займ третьего решающего года пятилетки, организовали подписку на строительство эскадрильи самолетов «Научный работник» [16]. По решению Пленума Центрального Совета СНР, во время посевной кампании 1933 года не менее 50% научных сотрудников сроком не менее 10 дней должны были отработать в колхозах и совхозах. При этом учебный процесс в высших учебных заведениях не должен был быть сорванным, а за время участия в посевной кампании каждый научный сотрудник должен был сделать перед колхозниками не менее трех докладов [17].

Традиции организации научной работы, сложившейся в дореволюционное время, в 1920–1930-е годы полностью отброшены не были. Сохранились заявление профессора Барковского Виктора Ивановича о выписке зарубежных изданий на 1932 год (Прага, Лейпциг, Берлин, София, Париж, Бржеслав) и список научных сотрудников-ветврачей, желавших изучать иностранные языки (2 человека – английский язык, 10 человек – немецкий язык) [18]. Однако эта научная тенденция не стала доминирующей. Развитие советской науки шло по пути создания особой социальной группы, имевшей привилегированное положение в обществе – номенклатуры [19].

Список использованной литературы

1. Федотов, Г. П. Трагедия интеллигенции / Г. П. Федотов // Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. / сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – Т. 1. – Санкт-Петербург : София, 1991. – С. 66–101.
2. Федотов, Г. П. Революция идет / Г. П. Федотов // Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. / сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – Т. 1. – Санкт-Петербург : София, 1991. – С. 127–172.
3. Федотов, Г. П. Создание элиты (Письма о русской культуре) / Г. П. Федотов // Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. / сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – Т. 2. – Санкт-Петербург : София, 1991. – С. 206–227.
4. Федотов, Г. П. Письма о русской культуре / Г. П. Федотов // Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. / сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – Т. 2. – Санкт-Петербург : София, 1991. – С. 163–187.
5. Федотов, Г. П. Россия Ключевского / Г. П. Федотов // Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. / сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – Т. 1. – Санкт-Петербург : София, 1991. – С. 329–349.
6. Матюшевская, М. И. Проблема формирования интеллектуальной элиты общества в научно-публицистическом творчестве Г. П. Федотова / М. И. Матюшевская // Вышэйшая школа – 2015. – № 6. – С. 52–56.
7. Матюшевская, М. И. Творческое наследие В. О. Ключевского в научно-публицистической оценке Г. П. Федотова / М. И. Матюшевская // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Сер. 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2016. – Т. 8, № 2. – С. 71–78.
8. Государственный архив Могилевской области. – Ф. 927. Оп. 3. Д. 3. Л. 3.
9. Государственный архив Могилевской области. – Ф. 927. Оп. 3. Д. 3. Л. 14.

10. Государственный архив Могилевской области. – Ф. 927. Оп. 3. Д. 1, 2.
11. Государственный архив Могилевской области. – Ф. 927. Оп. 3. Д. 8. Л. 122.
12. Государственный архив Могилевской области. – Ф. 927. Оп. 3. Д. 8.
13. Государственный архив Могилевской области. – Ф. 927. Оп. 3. Д. 3. Л. 5.
14. Государственный архив Могилевской области. – Ф. 927. Оп. 3. Д. 4. Л. 2.
15. Государственный архив Могилевской области. – Ф. 927. Оп. 3. Д. 4. Л. 11.
16. Государственный архив Могилевской области. – Ф. 927. Оп. 3. Д. 4. Л. 38.
17. Государственный архив Могилевской области. – Ф. 927. Оп. 3. Д. 4. Л. 66.
18. Государственный архив Могилевской области. – Ф. 927. Оп. 3. Д. 3. Л. 31.
19. Государственный архив Могилевской области. – Ф. 927. Оп. 3. Д. 8. Л. 241.